

— Я вас прошу заплатить мне. Наша семья нуждается в деньгах. Вы — мой жилец, и пользоваться тем, что я не могу вас выгнать, нехорошо.

Василий Иванович продолжал убеждать своего жильца, но голос тускнел, и говорил он не эмоционально, а монотонно, повторяя эти или похожие слова из месяца в месяц.

Василий Иванович жил со своей женой и дочкой в маленькой квартирке, а вторую, где раньше жила дочка с мужем, сдал. Денег, как и у всех, не было. Не было спирта, золота, антикварных вещей — не было ничего, что можно было бы менять на самое необходимое — продукты, дрова, теплые вещи. Но была квартирка. Маленькая, однокомнатная в двухэтажном доме. Со своей печкой. Туалет, правда, был во дворе, зато своя кухонька с умывальником, раковиной, с буржуйкой. Клад, а не квартира. Вот и порешили с женой — дочка переедет к ним, а квартиру будут сдавать. Муж дочки погиб, сама она прожить все равно не сможет. Во время войны она работала на заводе, возилась с химикатами. Может быть, это, а может, после похоронки, но что-то случилось со здоровьем. Все вроде бы нормально, но начала дрожать правая рука. Даже когда ничего не делала, рука все равно дрожала. Но главное даже не это. Варенька могла вдруг замереть и простоять в этой позе долго-долго. И поза может быть неудобная, и шла она по какому-то делу. И вдруг замерла, как в детской игре «морская фигура замри», и стоит, пока «не отомрет». И лицо становится, как маска, застывшее и безучастное. Глаза неживые, смотрят в одну точку. А потом отомрет и не помнит — куда и зачем шла. И стукнуло-то только прошлой весной 32 года, а уже инвалид. Жалко, конечно. Но тут каждого второго жалко, если не первого. Сколько людей просто не вернулось домой, а тут — ну не здорова, но ведь жива-то. Вот и радуйся. Но с завода выгнали. Ну как в таких дрожащих руках химикаты удерживать? Пробовала устроиться на другие работы. Подержат недели две-три и увольняют. Вот и перебивалась случайными заработками.

Жена Василия Ивановича, Катерина Степановна, болела давно. Еще до войны как начала задыхаться, так и мучилась одышкой. Может, если подлечить, и полегчало бы. Да кто будет возиться, когда столько раненых, столько инвалидов. А тут всего-то одышка. Правда, сильная одышка, иногда совсем задыхалась, дышать нечем. Кажется, еще чуть-чуть, и совсем не вздохнет, еще немножко и все... Но приступ проходил, и жизнь продолжалась. Поблажки себе не давала, по дому возилась, ходила мыть полы в местном совете. Вот это самое спасительное, самое важное. И пайки перепали, и карточки были. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Но наклоняться становилось все труднее, и каждый раз сердце замирало — а вдруг выгонят? На работу выходила за два часа, идти нужно было в гору. Шла медленно, часто останавливаясь. Но приходила вовремя и очень старалась. Очень. Ночными кошмарами было —

она и дочь без работы, перспектив нет. Что впереди?

Василий Иванович с войны вернулся. Забрали почти в последний призыв. Забрали с того же химического завода, где проработал всю жизнь. Завод не эвакуировали, фронт был далеко. Старался как все — все для фронта, все для победы. Недоедал, недосыпал. Жил, как многие. За год до победы призвали на фронт. И почти сразу его необученного, неподготовленного бросили в первый и последний бой его жизни. Винтовка была одна на пятерых, но эти четверо тоже пошли, не пойти было нельзя. Василий Иванович даже понять ничего не успел, даже испугаться толком не успел. Только яркая вспышка света, и вот он лежит в ямке. Пришел в себя. Где, что — понять ничего не может, встать тоже. А рядом лежит чья-то нога со знакомым таким сапогом. Он его лично зашивал и знал каждый стежок. Знал каждый сантиметр своего сапога, потому что берег, потому что заботился о своих сапогах. Потому что зимой без них не выжить. И вот лежит он и понимает, что перед ним его, Василия Ивановича, родной сапог. А, стало быть, и нога его. Понял, и тут же на свои ноги посмотреть не просто захотелось, а жить без этого, без того, чтобы увидеть свои ноги, стало неважноту. Душно так стало, жарко. Попробовал Василий Иванович повернуться, чтобы ноги-то свои увидеть, да не смог — потерял сознание. Очнулся он в госпитале. Без ноги. Так и закончилась для него война — два месяца, из которых месяц он только добирался до фронта.

По-разному люди переносят свои несчастья. Василий Иванович озлобился. Вначале жить не хотелось. Пока был в госпитале — мысли крутились разные, бросало из стороны в сторону. Вначале, в редкие минуты сознания, когда врачи боролись с начинающейся гангреной и отрезали ногу еще выше того места, где она была оторвана, жить хотелось очень-очень. Жить. Как угодно, каким угодно, но жить. Страх был таким сильным, пожирающим. В палате часто умирали, и Василий Иванович все время, как заклинание, про себя повторял: «Только бы не я, только бы не я». Потом боли почти не стало. Начал прислушиваться к разговорам. Разговоры были разные, но почти все сводились к одному — «а кому я теперь нужен». Солдатики все были молоденькие, Василий Иванович на их фоне был чуть ли не дедом. Они и его втягивали в разговор, да он все отмачивался. И по жизни был не очень любимым, все больше сам да сам. И гости бывали редко. А как Варенька замуж вышла, так и вовсе только с женой и был. Не хотелось ему разговаривать. И ребят не жалко было. Его вот бы кто пожалел. Ну и что он теперь будет делать? На шее жены висеть? С женой-то отношения давно уже были холодные. Любовь прошла. Да и была ли она? Василий Иванович каждый раз подчеркивал словом, делом — он хозяин. А она радоваться должна, что ей такой муж достался. Всем ему обязана. И была обязана, и будет. Будет? И тут мучительно становилось понятно, что он, Василий Иванович, будет зависеть от своей жены. Просить ее, даже в мыслях, было мучительно. Он так не привык. И мысли текли в самых ужасных направлениях. Он даже думал, что, может, лучше было бы погибнуть или вот прямо сейчас, скажем, умереть. Но тут же становилось страшно, и он радовался, что это только мысли. Думать о том, как

и где он будет работать, было сложно. Каждый раз он спотыкался о самое слово «просить». Он представлял, как ему будут отказывать, представлял, как он вынужден будет просить каждый раз жену, дочь, и озлоблялся еще больше.

Вернувшись домой, Василий Иванович работу не нашел. Искал, правда, недолго. На завод его не взяли. Много покалеченных искали и находили работу, но Василий Иванович после нескольких неудачных попыток ушел в себя, стал еще больше нелюдим. После обеда он, например, никогда не говорил спасибо. Ему казалось, что жена думает о нем как о дармоеде, обуза он ей. Жена так не считала. Она всеми силами пыталась приободрить его, приласкать, дать ему надежду, поддержать. Но он рассматривал это как жалость. Жалость от той, которая от него всю жизнь зависела. Жалость от той, которая сама еле ходит. Но ходит. Ему казалось, что про себя жена если не торжествует, то втайне довольна, что вот они и поменялись местами.

Василий Иванович начал пить. Пить, правда, было нечего. Но если вдруг перепадало, это и была его отдушина, это и была его радость. Иногда соседи угощали. Вначале принять рюмочку было нельзя: гордость не позволяла. А позже принимал, и принимал с радостью. На протез денег не было, передвигался на костылях. Ходить было очень сложно, никак привыкнуть не мог. Да и ходил-то совсем рядом от дома, задерживаясь на лавочке во дворе в тайной надежде на очередное подношение.

Через месяц после его возвращения пришла похоронка и на зятя. А еще через три месяца решено было сдать квартиру Вари, и Варя переехала в однокомнатную квартиру родителей.

На деньги от сдачи квартиры очень рассчитывали. Катерина Степановна в любой момент могла не выйти на работу, Варя не работает, Василий Иванович тоже. Квартиру Вари подкрасили, чисто прибрали. Даже занавески и новые чашки перенесли из квартиры Катерины Степановны. Пусть жильцу будет уютно и удобно. Пусть только платит, а денежки вот как нужны. Выбирали жильца долго. Народ в основном жил или в общежитиях, или в коммуналках. На отдельную квартиру денег не хватало. Но в послевоенные годы народа в городе поприбавилось, опять же, работал завод, жизнь, хоть и очень постепенно, начала восстанавливаться. Но очень быстро желающие жить отдельно нашлись. Проблема была в том, что сдавать квартиры официально государство не одобряло. Тем не менее, можно было зарегистрироваться в специальной службе, и жилец тогда платил государству, а хозяину платил чисто символически. Регистрация была настоящей, но на деле фиктивной: никакой правовой защиты ни жильцам, ни хозяину не предоставлялось. Тем не менее, квартиры сдавались, особенно в больших городах. Это была личная договоренность, где рисковали обе стороны. Можно было поселить неизвестно кого. И на твоей квартире будет какой-нибудь притон. Угол (часть комнаты) по этой причине сдавать было куда безопасней. Вторая беда — жилец мог перестать платить. И этот риск тоже не предусмотреть. Хорошо, если жилец — безобидная девушка, ее за неуплату и выгнать можно. А если мужик здоровый? Да еще дружки у него. Поди, с таким

связись, себе дороже будет. И жильцы, конечно, рисковали. По прихоти хозяина их могли выгнать из дома, или приходилось сносить несносные правила, которые устанавливал хозяин. То есть много, очень много зависело от договоренности, от того, какой он жилец, что ждать от него. А для жильца важно было, какой он, хозяин. Что за человек?

У Василия Ивановича выбор был из инженера, семьи какого-то мастера с завода с женой и ребенком, буфетчицы из местной столовой и очень странного типа, который много смеялся и на серьезного человека не тянул. Тип сразу показался подозрительным, и ему отказали. Буфетчице тоже — мало ли, может, кого приводить будет, еще квартиру разгромят. Семью не пустили по той же причине. А вдруг ребенок что-то поломает или зальет соседей?хлопот с ребенком не оберешься. А вот инженер — это солидно. Инженер — это постоянная зарплата. Да и специалист, видимо, знатный — в армию не призывали, всю войну так на заводе и проработал. Живет один, непьющий. Вот только странность была — все время должен что-то теребить пальцами. Если карандаш лежит, то берет его произвольно и рисует на том, что под рукой. И не рисунок это вовсе, а так, каракули всякие. Может, это ему так думать помогает, а может, просто странность такая, или с детства, или после испуга какого. Но это ни Василия Ивановича, ни Катерину Степановну не смущало. Бог с ним, пусть рисует закорючки на чем попало. Лишь бы аккуратен был да платил вовремя.

А он и платил. Целых два месяца. Как хорошо сразу стало. Начали себе позволять даже немножко откладывать, всякое же может быть, да и будущее рисуется не в самых радужных тонах. Но вот через два месяца жилец платить перестал...

Василий Иванович от такой неприятности даже пить перестал. Приходил к жильцу, ждал его на лавочке, если того не было дома, и потом просил заплатить. Угрожал, ныл, бубнил одни и те же слова, пока жилец его не выпроваживал за дверь с очередным обещанием заплатить в следующем месяце. И в самый первый раз, когда нужно было платить, жилец сказал, что денег нет и заплатит в следующем месяце. Ему поверили и на месяц оставили в покое. Но вот прошло уже пять месяцев, а денег все нет. Первый раз к жильцу ходила Катерина Степановна. А потом стал ходить и Василий Иванович. Это были его первые и самые далекие выходы из дома. Шел он со своим костылем долго. Походы эти занимали весь его день. Но тут он чувствовал себя мужчиной, который должен защитить свою семью. Первый раз Василий Иванович почувствовал себя нужным. Мысли о жильце, разговоры о нем занимали большую часть его времени. Он уже и угрожал, и просил... А сейчас вот попросил соседа, здоровенного мужика, пойти вместе с ним и пригрозить выгнать. На эти угрозы жилец ответил, что регистрации не было, квартира сдается по-черному. Пусть, мол, Василий Иванович зарегистрирует квартиру, а он будет платить куда надо через сберкассау.

За эти пять месяцев многое изменилось в жизни Василия Ивановича. Стал он подрабатывать сапожным делом. Случайно получилось. Подлатал

соседу обувку, тот в благодарность налил, как водится, стопочку и картошки дал. Целых три дня ели. А потом прислал другого соседа. Тот уже расплатился деньгами. На эти деньги купили иглы, кожу какую-то, материал стельки делать. Так и стало продвигаться помаленьку. Рекламы никто не делал, объявление не давали. Но слухом земля полнится. Обувь Василий Иванович шить не умел, а вот латать получалось с каждым разом все лучше и лучше. И потихоньку-потихоньку стал Василий Иванович оттаивать, почувствовал опять себя хозяином. А вот Катерина Степановна совсем расхворалась. Уже на работу ходила совсем редко и потом долго отлеживалась. Ясно стало, что потерпят еще немного и выгонят. Варенька стала помогать отцу, на другую работу ее так и не взяли. Она стала его ногами — принести, отнести. Все вроде и лучше стало, но вот две недели назад проколол Василий Иванович себе иглой палец. И грязь, что ли, попала. Стал палец нарываться, и, что ни делали, не помогло. Пришлось идти к врачу. И врач прямо убил: «Палец надо удалять». Это был прямо приговор. А что делать-то тогда? На что жить? Это было как раз до того, как Василий Иванович пошел к жильцу с соседом. Пошел с надеждой, что получит хоть часть денег. А получил вместо этого рекомендацию зарегистрироваться, как арендодатель, и твердую уверенность, что денег не получит.

На следующий день тот же сосед пришел к Василию Ивановичу и сказал, что есть у него надежный человек, которому нужна квартира. И, если Василий Иванович своего жильца выгонит, то уж за этого человека сосед ручается. А если что, так сам сосед на него управу и найдет. А с инженером связываться не хочет. Все-таки грамотный, какую-нибудь гадость сделает, беды не оберешься. Лучше не связываться.

Палец-таки оттяпали. Указательный. Сколько будет заживать рука, когда он опять возьмется за иглу, да и возьмется ли — все неясно. Что кушать будут? Неужели побираться придется?

И тогда пришла в голову Василию Ивановичу мысль. Взял он карандаш и газету «Правда» с портретом вождя на первой странице. Пришел опять к жильцу. И, пока разговоры вел, подсунул ему и газету, и карандаш. И замалевал жилец портрет вождя любимого, закорючки на его лице нарисовал всякие.

А вечером пришли из органов с обыском, газету нашли...

Вернулся старый жилец через семь лет, да и то по амнистии, после смерти любимого вождя. И они встретились, хотя узнать в глубоком старике с трясущимися руками своего первого жильца Василий Иванович смог не сразу...